

Карякин Евгений

Трансформация понятия прав ребенка в международном и российском контексте - современная ситуация.

Уважаемые коллеги, я коротко остановлюсь на некоторых моментах, которые считаю важными для понимания насущных проблем защиты прав детей.

Декларация ООН 1959 г. и Конвенция 1989 г., которые обозначили право ребенка на среду развития в широком смысле и охватили не только базовые, но и в общем весь комплекс потребностей, необходимых для его нормального развития, сформировались в контексте признания за несовершеннолетними (людьми до 18 лет) определенного правового статуса – не полной дееспособности, но наделяния его неотъемлемыми правами. Государства, подписавшие Конвенцию, обязались их защищать; в связи с этим встает два вопроса – почему так произошло и где гарантии их защиты?

Почему: с моей точки зрения, очевиден экономический детерминизм – в связи с увеличением срока жизни (и срока социализации – в среднем, до 20 лет до момента начала производства материальных благ) потребовалась особая правовая охрана не полностью дееспособной особи, с одновременным ограничением набора прав (в более ранние исторические эпохи полная дееспособность наступала ранее) – для того, чтобы сохранить человека для дальнейшего производства материальных благ.

Параллельно Международной Организацией Труда при ООН, призванной хеджировать риск коммунистических революций путем уступок трудящимся принимались нормативные документы, гарантирующие несовершеннолетних от ненормальных условий эксплуатации (Конвенция о минимальном возрасте для приема на работу, МОТ, 1973, Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда, МОТ, 1999).

Вышеуказанный детерминизм влечет за собой ряд выводов:

Предполагается, что права ребенка охраняются государством. Однако, государство не является основным заказчиком экономических благ (на долю его заказа в мировом ВВП приходится около 18%). Соответственно, экономический интерес к защите прав ребенка (в т.ч., через институты представительства) имеет преимущественно мировой сектор **частного** капитала, и санкционировавший принятие международных документов через институты представительской демократии, и одновременно, на национальном уровне являющиеся **гарантом их исполнения через те же органы представительной демократии**. Именно поэтому права ребенка чаще всего нарушаются в наименее экономически развитых странах.

Таким образом, увеличение бедности, деградация производственных цепочек и уменьшение занятости напрямую **ухудшают** состояние прав ребенка в том или ином регионе мира. В этом смысле, несмотря на либерализацию законодательства в 90-е, уничтожение промышленности приватизировавшими предприятия красными директорами и их медленное разрушение т.н. олигархами (то есть, по сути, провал проекта создания «класса собственников» экономической командой Ельцина) оставило подавляющее большинство детей в России без силы, напрямую заинтересованной в защите прав детей – нет заказчика на их будущий труд как труд

будущего поколения. Следовательно, на федеральном (в парламенте, ФОИВах и Федеральных судах), региональных (органах власти субъектов федерации) и муниципальных органах почти не представлены представители групп, заинтересованных в соблюдении прав ребенка.

С развитием промышленного производства ответственность государственных органов (в т.ч. институтов Опек) за соблюдение базовых прав ребенка станет гораздо эффективнее, однако, до того, как это произойдет, правозащитному сообществу необходимо учитывать несколько аспектов в защите прав ребенка в современной России:

1. Поскольку социального заказчика у правозащиты нет, она возможна только при наличии у ребенка «положительной жизненной стратегии» по интеграции в работающую экономическую среду.
2. Следует сконцентрироваться на апелляции к ребенку как самостоятельному субъекту – более ранняя социализация и информатизация общества дает возможность позаботиться о себе самостоятельно без апелляции к медленно уходящему институту семьи.
3. Правозащита в сфере прав детей в современном обществе в том числе предполагает необходимость формирования у ребенка объективных представлений об окружающей действительности, и в бытовом, и в стратегическом контексте.

В процессе перехода от традиционного общества к правовому появляются так называемые смешанные системы, где императивными являются «мононормы», неразрывно сплетенные из правовых норм, норм обычая (например, обычая бить детей) и религиозных предписаний. Такими мононормами в воспитании детей руководствуется существенная часть российских родителей.

Для перехода от мононорм в частном восприятии к исключительно правовым нормам необходима пропаганда правового регулирования как наиболее эффективной формы социальной коммуникации – иначе говоря, публичное описание негативных последствий, к которым ведет их (мононорм) применение.

Пример – уменьшение роли агрессии в связи с нарастанием тока информации и увеличением нагрузки нервной системы.

Еще раз следует сказать об институте Опек, как органу исполнительной власти, нормативно отвечающем за Права детей. Как я уже сказал, социального заказчика на защиту прав детей сегодня в России, в связи с экономической ситуацией, у Опек нет. Поэтому апелляция к ней как к носителю этого правового института беспочвенна.

Резюмируя: для эффективной защиты собственных прав современному ребенку необходимо выстроить индивидуальную социально-экономическую стратегию по интеграции в международный экономический социум (в той или иной форме) – каким видом труда он будет заниматься и защитой какой финансово-корпоративной системы пользоваться, не рассчитывая на помощь государства или семьи.